

Марк Григорьевич Меерович

Как власть народ к труду приучала

Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917 – 1941 гг.

С предисловием Елены Осокиной

SOVIET AND POST-SOVIET POLITICS AND SOCIETY

ISSN 1614-3515

Edited by Dr. Andreas Umland

Марк Григорьевич Меерович

Как власть народ к труду приучала

Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917 – 1941 гг.

С предисловием Елены Осокиной

Mark Grigor'evich Meerovich

Kak vlast' narod k trudu priuchala

Zhilishche v SSSR – sredstvo upravleniia lud'mi. 1917-1941 gg.

S predisloviem Eleny Osokinoi

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Bibliographic information published by the Deutsche Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek lists this publication in the Deutsche Nationalbibliografie; detailed bibliographic data are available in the Internet at <http://dnb.d-nb.de>.

Dieser Titel ist als Printversion im Buchhandel
oder direkt bei *ibidem* (www.ibidem-verlag.de) zu beziehen unter der

ISBN 978-3-89821-1 JÍ -ì .

∞

ISSN: 1614-3515

ISBN-13: 978-3-8382-51 JÍ -F

© *ibidem*-Verlag
Stuttgart 2012

Alle Rechte vorbehalten

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Dies gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und elektronische Speicherformen sowie die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in or introduced into a retrieval system, or transmitted, in any form, or by any means (electronical, mechanical, photocopying, recording or otherwise) without the prior written permission of the publisher. Any person who does any unauthorized act in relation to this publication may be liable to criminal prosecution and civil claims for damages.

Содержание

Предисловие – Жилье как орудие власти <i>Елена Осокина</i>	7
Список используемых сокращений	13
Введение	15
I Чтобы распоряжаться, нужно обладать	19
II Кто не работает – тот не живет	34
III Жилище как средство принуждения к труду	89
Заключения	137

Предисловие

Жилье как орудие власти

Советский мир жилья: пресловутая прописка, то есть регистрация по месту жительства с отметкой во внутреннем паспорте, да и сам паспорт; коммунальные квартиры, где семьи занимают отдельные комнаты, но пользуются общей кухней и ванной; жилая норма – квадратные метры площади, достаточные, по мнению государственных чиновников, для проживания человека; многолетнее стояние в очереди на получение жилья – как все это хорошо, и чуть не сказала до боли, знакомо советскому человеку, и как это должно быть странно, а вероятно и дико, для человека Запада.

Мне, родившейся и жившей при советском социализме, не знавшей в то время ничего другого, такой жилищный порядок представлялся неизбежным и вечным. Как выяснилось потом, уже в послесоветское время, в этом порядке было и привлекательное – низкая символическая квартплата, бесплатный ремонт домов и бесплатные услуги сантехника, электрика, газовщика, которых присылало домоуправление – государственная служба по эксплуатации жилья. Кто-то из нас знал, кто-то догадывался, что за пределами нашего социалистического жилищного общества существовал совершенно иной мир жилья, цивилизация, построенная на иных принципах жилищной политики. Но мало кто задумывался, почему советский жилищный мир оказался столь непохожим на западный. В последние десятилетия мир советского жилья привлек внимание российских и западных исследователей. Видимо, настало время осмыслить жилищный опыт советского социализма и ответить на этот вопрос.

Капитализм, в период своего утверждения в эпоху индустриальной революции 19-го века, представлял отталкивающее, если не сказать, омерзительное явление. Рождение индустриальных городов, пролета-

риата и буржуазии – основных сил нарождавшейся буржуазной цивилизации, являло нелицеприятное зрелище. Невероятно возросшая социальная мобильность и неуправляемый хаотический рост городского населения, далеко опережавший рост городского хозяйства, вели к массовой пролетаризации и пауперизации, нагниванию новых социальных противоречий, кричащему отталкивающему социальному неравенству. Основная часть городского населения работала и жила тяжело, скученно и грязно (как не вспомнить здесь описание промышленного Манчестера Энгельса). Именно таким узнала капитализм и Россия, когда во второй половине 19 – начале 20 века, опаздывая, вслед за Западом, переживала эпоху индустриальной ломки.

Должны были пройти десятилетия, чтобы дикий капитализм времен индустриальной революции стал тем капитализмом – «раем для потребителя», который мы знаем теперь, привлекающим изобилием и высоким уровнем жизни. В этой эволюции капитализма существование Советского государства – материализовавшейся идеи о иной, некапиталистической цивилизации, реальной угрозы и предостережения капиталистическому миру – сыграло не малую роль. Капитал вынужден был делиться, развивать социальные программы, взращивая и укрепляя мощный средний класс, опору своей социальной и экономической стабильности. С проходящими десятилетиями, вместе с «очеловечиванием» облика капитализма, менялось и наше отношение к нему. Идея социализма, как отрицания дикого капитализма периода индустриальной революции, могла привлекать в начале 20 века, в 1920-х и даже 1930-х годах, но в сравнении с эволюционировавшим развитым потребительским обществом капитализма наших дней она нестерпимо проигрывала. Социализм, по крайней мере, в своей материализовавшейся советской форме, потерял свою магическую силу, в первую очередь, для самих же живущих при социализме.

Марксизм или, так называемый, научный коммунизм родился в 19 веке как отрицание дикого капитализма периода индустриальной революции, как его антипод. Все, что представляло ненавистный капитал, следовало уничтожить – рынок, частную собственность, кричащее социальное неравенство, буржуазные институты семьи и брака, да и само

государство как орудие власти кучки имущих, заодно с ними. Средством этих изменений призвана была стать пролетарская революция. Все минусы капитализма должны были быть исправлены на плюсы социализма. Вера в то, что государство с помощью планирования будет работать эффективнее рынка, а общественная собственность, пришедшая на смену частной, обеспечит социальное равенство и процветание, что восторжествуют идеи некапиталистической социальной справедливости – не для кучки собственников, а всего трудящегося населения – была безграничной и безоглядной¹.

Благими намерениями, однако, вымощена дорога в ад. Отмена частной собственности, глобальное огосударствление всех сфер жизни привели к концентрации в руках советского государства огромной власти. Распределение социальных благ – продовольствия и товаров, жилья, зарплаты, пенсий в условиях монопольного положения государства превратилось в мощное средство социального и экономического переустройства общества, орудие манипуляции людьми.

История полна иронии, и столь желанное стремление советского государства к монопольному положению производителя, распределителя и законодателя ценностей сыграло злую шутку, обернулось в конечном итоге ловушкой. Начиная со Сталина, руководство страны поощряло и развивало «аппетиты» потребителей, но не смогло удовлетворить их. В своих потребительских бедах – недостатке товаров, услуг, жилья и т.п. – люди винили советскую экономику и политическую систему, а в своем стремлении жить в настоящем потребительском обществе были готовы их разрушить. Неудовлетворенный потребитель стал гробовщиком социализма.

Понимание первородной сути марксизма, как отрицания капитализма 19 века, а социализма, как средства решения гнойных социальных проблем, рожденных капиталистической индустриальной ломкой,

1 Здесь так и напрашивается параллель с шоковой терапией Ельцина образца 1992 года, когда лучшие экономисты страны, да и мира, верили, что достаточно восстановить рынок и частную собственность, как все проблемы планового централизованного хозяйства разрешатся сами собой. Как и разрушение рынка на заре советской власти, так и реанимация рынка при ее ельцинском закате вовсе не стало панацеей, универсальным средством от всех бед.

помогает понять, почему, несмотря на репрессивный полицейский характер советского государства, несмотря на трудности и лишения 1920-1930-х годов, в людях была огромная созидательная энергия, порыв, энтузиазм, и почему, даже в 1970-1980-е годы, люди верили, что построили социализм. Не следует отрицать, что у советского социализма были немалые достижения в области социальных программ. Государственный патернализм, однако, оборачивался социальным иждивенчеством. Не удивительно, что в современной России есть целые поколения людей, которые переживают тяжелую ностальгию по ушедшему социализму.

Не умаляя социальных достижений советского социализма, следует, однако, признать, что, будучи социальным и экономическим строем со слабыми материальными стимулами к труду, он оказался нежизнеспособным. Революционный порыв, энтузиазм и энергия иссякли, массовые репрессии, которые кнутом погоняли людей к труду и повиновению, остановились. Сильных стимулов к труду не осталось, началась стагнация.

Автор этой книги, ученый, историк и архитектор, Марк Григорьевич Меерович, прослеживает рождение и эволюцию советского революционного эксперимента в области жилищной политики. Основной фокус исследования – генезис и развитие принципов советской государственной жилищной политики, ее цели и приоритеты; главный источник – жилищное законодательство первых десятилетий советской власти.

Книга свидетельствует, что в руках государства жилье, как и многие другие социальные блага, оборачивалось то кнутом, то пряником. Советская жилищная политика поистине была двуликим Янусом, для одних она оборачивалась благом, для других репрессиями. Обе стороны, однако, были неотъемлемо связаны и порождались общими принципами. Дискриминационная сторона советской жилищной политики, с помощью которой власть пыталась контролировать поведение людей и направлять их трудовую энергию в нужное для государства русло, показана в книге особенно сильно.

В руках государства распределение жилья в условиях острого жилищного кризиса оказалось орудием воздействия столь же мощным, сколь и распределение хлеба во время голода, так как затрагивало жиз-

ненно важные потребности людей. Автор показывает как, экспериментируя с формами заселения в первые годы после революции, власть путем утверждения коммунального быта пыталась сформировать новую культуру и мораль, где общественное, коллективное, коммунальное должно было заменить частное, индивидуальное, собственное. Эксперимент провалился – люди оказались большими индивидуалистами и собственниками, чем предполагало государство. Тяга к частному, индивидуальному, «своему» осталась непоборимой, и в середине 1930-х годов привела к смене принципов жилищной политики, вместе с политикой и в других сферах жизни. Недаром это время торжества «мелкобуржуазных» потребительских принципов и интересов одни историки называют «великим отступлением», другие «преданной революцией».

Книга показывает, как государство использовало распределение жилья для реализации индустриальных целей, одного из главных приоритетов сталинской власти. Если в начальные годы Советской власти дискриминация в сфере жилья была в основном направлена против «бывших», привилегированных классов дореволюционного общества, которые буквально в одночасье лишились своих дворцов и частных квартир и вынуждены были бежать или заняться «самоуплотнением», то с началом индустриализации в конце 1920-х годов, острие жилищной политики, уже направлялось против, тех, кто не участвовал в индустриальном строительстве. Ведомственное жилье – жилищный фонд в распоряжении предприятий и государственных ведомств – стремительно расширялся. В годы сталинской индустриализации, только влившись в ряды индустриальных рабочих, можно было рассчитывать на право получения относительно сытного хлебного пайка, хоть какого-то жилья – ударный труд поощрялся жилищными льготами, а увольнение с предприятия по закону грозило потерей и пайка, и жилища.

Книга свидетельствует, что жилье в руках государства было орудием, с помощью которого регулировались и миграционные потоки – из деревни в город, из неиндустриальных второстепенных производств в индустриально-промышленный и военный комплекс. Распределение жилья стало важным фактором индустриального развития страны, и да-

же средством приучения человека труду, прежде всего, к труду индустриальному.

Вопрос о том, насколько успешным оказался эксперимент приучения к труду, не праздный. В советской экономике материальные стимулы к труду оставались вобщем-то слабыми, в том числе и недостаток жилищного фонда, не позволял создать сильных мотиваций к труду. Государству в первые десятилетия советской власти удалось заставить людей работать, используя революционный энтузиазм и репрессии, однако, приучение к труду, по моему мнению, не состоялось. Не случайно при советской власти ходила поговорка – «они делают вид, что платят нам, мы делаем вид, что работаем». Труд «из-под кнута» не может быть эффективным, а пряников сладких, перефразируя известную песенку Окуджавы, в экономике хронического дефицита, увы, не хватало на всех.

Елена Осокина
Спрингфилд, Миссури, США

Список используемых сокращений

- ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВСНХ (СССР, РСФСР) – Высший совет народного хозяйства (СССР, РСФСР)
ВЦИК РСФСР – Всероссийский исполнительный комитет РСФСР
ГКО – Городской коммунальный отдел
Губарх – Управление губернского архитектора
ГСЖК – Городской союз жилищной кооперации
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)
Губоткомхоз – Губернский отдел коммунального хозяйства
ГУКХ НКВД – Главное управление коммунального хозяйства Народного комиссариата внутренних дел
ЖАКТ – Жилищно-арендное кооперативное товарищество
ЖЗО – Жилищно-земельный отдел
ЖСКТ – Жилищно-строительное кооперативное товарищество
Комгосоор – Комитет государственных сооружений
МГК ВКП (б) – Московский городской комитет Всероссийской коммунистической партии большевиков
МКХ – Московское коммунальное хозяйство
МУНИ – Московское управление недвижимых имуществ
НЖП – Новая жилищная политика
НКЗдрав – Народный комиссариат здравоохранения
НККХ – Народный комиссариат коммунального хозяйства
НКП – Народный комиссариат просвещения
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
НКТ – Народный комиссариат труда
НКТорг – Народный комиссариат торговли
НКФ – Народный комиссариат финансов
НКЮ – Народный комиссариат юстиции
НЭП – Новая экономическая политика

ОЖСКТ – Общегражданское жилищно-строительное кооперативное товарищество

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (г. Москва)

РЖО – Районный жилищный отдел

РЖЗО – Районный жилищно-земельный отдел

РЖСКТ – Рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество

РИК – Районная избирательная комиссия

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия

РКП – Российская коммунистическая партия

РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи

РОНИ – Районный отдел недвижимых имуществ

РСКТ – Районный союз кооперативных товариществ

РУНИ – Районное управление недвижимых имуществ

СНК (СССР, РСФСР) – Совет народных комиссаров (СССР, РСФСР)

Совет РК и КД – Совет рабоче-крестьянских и красноармейский депутатов

СТО – Совет труда и обороны

СЗ СССР – Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР

СП СССР – Собрание постановлений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР

СУ РСФСР – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР

УНИ – Управление недвижимых имуществ

ЦГАС-Пб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург)

ЦЖО – Центральный жилищный отдел

ЦЖС – Центральный союз жилищной кооперации (Центржилсоюз)

ЦИК (СССР) – Центральный исполнительный комитет СССР

ЧЖК – Чрезвычайная жилищная комиссия

ЭКОСО – Экономическое совещание

Введение

Период, которому посвящено данное исследование по мощи и глубине социальных и культурных изменений во многом аналогичен тому, что Россия переживает сегодня, когда одновременно идут процессы разрушения общественных отношений и стереотипов массового сознания, сложившихся на предыдущем этапе исторического развития, и становления совершенно новых отношений и форм сознания.

Построение реалистичных программ развития жилищной сферы в современной России невозможно без учета предыстории формирования жилого фонда российских городов, показывающей, что реструктуризация старых и индустриальное развитие новых городов в послереволюционный период сознательно осуществлялись, как основанные на ликвидации частной собственности на землю и недвижимость; на примате государственно-ведомственной формы собственности на жилище; на формировании специфической системы управления жизнью и деятельностью людей; на децентрализованном территориальном размещении промышленности и селитебных (в которых размещалось обслуживающее производство население) образований; на формировании особых единиц производительных сил – трудо-бытовых коллективов и т.п.

В первые годы советской власти в обществе существовало подлинное стремление создать более разумный, более справедливый мир. Был энтузиазм, вера в «светлое завтра», ожидание социальной справедливости – люди жили и творили с надеждой на счастливое будущее. Но государство, нужно признать это, свою жилищную политику проводило, руководствуясь исключительно конкретными прагматическими задачами и, прежде всего, задачами дисциплинарно-карательного принуждения и поощрения к труду. Настоящее исследование раскрывает процесс целенаправленного воздействия государства на общество за счет осуществления жилищной политики в СССР в период 1917-1941 гг.